АНГЛИЙСКИЙ ПО КЛАССИКЕ

Джон Бакен

Запретный лес

Читай и понимай без словаря

Джон Бакен

Запретный лес. Англо-русская билингва

«Автор»
2026

Бакен Д.

Запретный лес. Англо-русская билингва / Д. Бакен — «Автор», 2026

Хотите читать Джона Бакена на английском с переводом? Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.«Запретный лес» — исторический роман о молодом священнике Дэвиде Сэмпилле, которого в 1640-е годы отправили в глухой шотландский приход. Ему приходится противостоять не только церковным дрязгам, но и тайным языческим обрядам, которые местные жители справляют в лесу. Это не хоррор и не мистика в чистом виде — скорее плотная историческая проза о вере, суеверии и цене убеждений. Лексика современная, предложения ясные, главы короткие. Для чтения на английском с параллельным переводом — отличный выбор.Слушайте в наушниках через программу-озвучку, занимаясь повседневными делами — билингва создаёт языковую среду, как в детстве, когда вы осваивали родной язык. Читайте глазами — это даёт грамотность.

© Бакен Д., 2026
© Автор, 2026

Джон Бакен
Запретный лес. Англо-русская билингва

Хотите читать Джона Бакена на английском с переводом? Эта книга устроена так: каждое английское предложение сразу сопровождается русским текстом. Вы не лезете в словарь и не теряете нить. Просто читаете — и понимаете всё с первой страницы.

«Запретный лес» — исторический роман о молодом священнике Дэвиде Сэмпилле, которого в 1640-е годы отправили в глухой шотландский приход. Ему приходится противостоять не только церковным дрязгам, но и тайным языческим обрядам, которые местные жители справляют в лесу. Это не хоррор и не мистика в чистом виде — скорее плотная историческая проза о вере, суеверии и цене убеждений. Лексика современная, предложения ясные, главы короткие. Для чтения на английском с параллельным переводом — отличный выбор.

Слушайте в наушниках через программу-озвучку, занимаясь повседневными делами — билингва создаёт языковую среду, как в детстве, когда вы осваивали родной язык. Читайте глазами — это даёт грамотность.

© Самойлов А.Г., 2026г.

John Buchan Джон Бакен
Forbidden Forest Запретный лес

Asa did what was right in the eyes of the Lord… Аса делал угодное пред очами Господа…
and rejected all the idols that they had made и отверг всех идолов, которых сделали
his fathers… The heights were not destroyed. отцы его… Высоты же не были уничтожены.
Third Book of Kings 15:11-14 Третья книга Царств 15 11-14

Prologue Пролог

Time, my grandfather used to say, stood still in this mountain valley. Время, говаривал мой дед, застыло в этой горной долине. But the truth of his saying died with him, and before the first daisies on his grave had faded, a new world came knocking at the door. Но истинность его высказывания умерла вместе с ним, и не успели увянуть первые маргаритки на его могиле, как новый мир властно постучался в дверь. That was thirty years ago, and we are reaping the benefits of change. Было это тридцать лет назад, и мы пожинаем плоды перемен. The name of the parish has changed; Название прихода изменилось; the white church building, which had served the community for more than two centuries, has been rebuilt in brick Gothic style; белое здание кирки, прослужившее общине более двух веков, перестроили, отдав предпочтение кирпичной готике; a railway line has been built along the Aller, which every summer faithfully brings holidaymakers from towns located a hundred miles away. вдоль Аллера проложили железнодорожную ветку, по которой каждое лето исправно приезжают отдыхающие из городов, расположенных за сотню миль отсюда. Below Stag Hill are houses and shops clustered together, there is also a boarding school with a very good reputation, two hotels, converted to meet new requirements, a garage and a bank. Под Оленьим холмом сгрудились дома и магазины, там же стоят школа-интернат с очень хорошей репутацией, две гостиницы, переделанные в соответствии с новыми требованиями, гараж и банк. The old settlement has lost all importance, giving way to the new town that has grown up around the station; Старое поселение потеряло всякую важность, уступив новому городу, выросшему вокруг вокзала; however, it has long ceased to be a village with thatched buildings, randomly scattered along the mountain river. впрочем, оно давно перестало быть деревенькой с крытыми соломой постройками, беспорядочно разбросанными вдоль горной реки. It must be the enemy of the human race who has sharpened the river bed into embankments as smooth as sewer drains and thrown a reinforced concrete bridge across it, simultaneously replacing the thatch on the roofs with gray-green slate. Не иначе как враг рода человеческого заточил русло речки в ровные, как стоки канализации, набережные и перебросил через нее железобетонный мост, попутно

заменив солому на крышах серо-зеленым шифером. Only the ruins of the ancient kirk remained untouched - I can see them as if they were today: Лишь развалины древней кирки остались нетронутыми — вижу их как сейчас: standing in thickets of sorrel and nettles, surrounded by a cracked stone fence laid without mortar, protecting only from curious sheep wandering from Crossbasket. стоят в зарослях щавеля и крапивы, окруженные растрескавшейся, сложенной без раствора каменной оградой, защищающей разве что от любопытных овец, забредающих из Кроссбаскета.

The old families that lived here are gone, even their names have been forgotten. Больше нет обитавших здесь старинных семейств, даже их имена успели позабыться. Long before I was born the Hawkshaws, who owned Calydon Castle, had vanished; Задолго до моего рождения пропали Хокшоу, владевшие Калидонским замком; though there still lingered for a long time one worthy family, who had migrated to this region from Edinburgh in the seventeenth century, but they too were driven out by a flood of rough newcomers from the West. хотя в нем еще долго жила одна достойная семья, переселившаяся в этот край из Эдинбурга в семнадцатом веке, но и их вытеснил поток грубоватых приезжих с Запада. The farmers are now mostly new, for even the peasants, destined to endure to the last, have overcome their clumsiness and moved away. Фермеры теперь по большей части новые, ведь даже крестьяне, которым на роду написано терпеть до последнего, переборoли свою неповоротливость, уехав прочь. I learned from the postman that today there are no Monfreys or Sprots in Budiley, that there remains only one Pennecook and a couple of Ritchies and Shillinglaws, who used to be countless. Я узнал от почтальона, что сегодня в Будили нет ни Монфри, ни Спротов, что остался только один Пеннекук да парочка Ритчи и Шиллинглоу, которых раньше было без счета. In this renewed world it is absurd to expect that anyone still remembers the legends that stirred my soul when I was a child. В этом обновленном мире нелепо надеяться, что кто-то еще помнит легенды, бередившие мне душу, когда я был ребенком. No one anymore can tell when or why the pickaxe on the border with Crossbasket was destroyed and why the cemetery there became overgrown with weeds. Больше никто не способен рассказать, когда или почему разрушили кирку на границе с Кроссбаскетом и отчего кладбище там заросло сорной травой. Many have never heard that there was once a pickaxe on this site. Многие слыхом не слыхивали, что когда-то на этом месте была кирка.

However, this does not particularly surprise me, because the kirk in Budily stood abandoned for almost three centuries - even in the years of my childhood, few people remembered the name of its last priest. Однако меня это не особенно удивляет, ведь кирка в Будили простояла заброшенной почти три века — даже в годы моего детства мало кто помнил, как звали ее последнего священника. From a legend, his story turned into a "saying" that everyone knows, but no one can explain. Из легенды его история превратилась в "примолвку", которую знают все, но никто не может объяснить. My interest in it was first aroused by Jess Blaine, the steward's daughter. Впервые мой интерес к ней пробудила Джесс Блейн, дочь управителя. Choking with anger after another of my pranks, she wished me the fate of the priest from Budily, explaining it with the words: Задыхаясь от гнева после очередной моей проказы, она пожелала мне судьбы священника из Будили, растолковав ее словами: "The devil will grab you and drag you to hell." "Диявол тя хватанет и в ад упрет". Frightened, I complained to the nanny, who was quite indignant at the incident and described Jess as "a shameful clumsy woman who fills the child's head with all sorts of black lies." "Don't be afraid, little one," she reassured me. Перепугавшись, я пожаловался нянюшке, которая немало возмутилась происшествием и обрисовала Джесс как "позорную нескладёху, забивающую детёнку голову всякими черными враками" "Не пужайся, махонький, — успокоила она меня. - "No The Devil never came for the priest in Budili. — Никакой Диявол за попом в Будили не приходил. I heard there was a pastor, a kind and nice man. Я слыхала, был пастор человек добрый да славный. Those were the Fairies, my dear. То были Феи, кроха. He lived with them and lived happily and died, never drinking from an empty cup." Он с ними жил-поживал да счастли-

вым помер, никогда из пустой чашки не пивши". I remember telling my playmates about this, and they carried the story home and came back with confirmation or refutation. Помню, я рассказал об этом товарищам по играм, а они разнесли историю по домам и вернулись с ее подтверждением или опровержением. Some followed the Devil's version, and some the Fairies', which proves that tradition speaks in two voices. Некоторые придерживались версии Дьявола, а некоторые — Фей, что доказывает, что традиция говорит на два голоса. The Fairies' supporters were slightly superior in numbers, and one April evening in a battle not far from the ruined kirk we cornered the Devil's followers and almost convinced them of our rightness. Сторонники Фей немного превосходили числом, и как-то апрельским вечером в баталии недалеко от разрушенной кирки мы прижали приверженцев Дьявола к стенке и почти убедили в своей правоте. But in our theory, apart from the fact that the priest from Budili was kidnapped by the Fairies, and not the Devil, there was nothing else. Но в нашей теории, кроме того, что священника из Будили похитили Феи, а не Дьявол, больше ничего не было.

Years later I heard the story in many places and read it in many books: Годы спустя я слышал эту историю во многих местах и читал ее во многих книгах: in a folio I came across in a Dutch library, in the family archives of a Catholic family in Lancashire, in the margins of the second Latin edition of George Wishart's Montrose, in the diaries of a Scottish captain and a London glovemaker, and in an exercise book belonging to a Welsh schoolgirl who lived in the seventeenth century. в фолианте, попавшемся мне в одной из голландских библиотек, в родовых архивах католической семьи в Ланкашире, на полях второго латинского издания "Монтроза" Джорджа Уишарта, в дневниках шотландского капитана и лондонского перчаточника и в тетрадке с упражнениями, принадлежавшей уэльской школьнице, жившей в семнадцатом веке. Now I have a good idea of what really happened, but at first I could not connect it with the parish of Woodiley as I knew it: Сейчас я прекрасно представляю, что произошло на самом деле, но на первых порах у меня не получалось связать случившееся с приходом Вудили, каким я знал его: a picturesque landscape, severe and definite, containing no hint of mystery; живописный ландшафт, строгий и определенный, не содержащий в себе ни намека на тайну; bare hills, gloomy in late autumn and winter, but at other times pleasing to the eye in a Pickwickian way with bald tops, neatly planted with pine woods and girdled with mathematically calculated stone fences; голые холмы, мрачные поздней осенью и зимой, но в другие сезоны радующие глаз по-пиквикски лысыми верхушками, аккуратно обсаженными хвойными лесками и опоясанными математически выверенными каменными оградами; level, well-kept fields in the valley bed; ровные, ухоженные поля в ложе долины; the artificial calm of mountain streams in the middle of carefully drained land; искусственное спокойствие горных потоков посреди тщательно осушенной земли; a neat stone village, sparkling with glass and metal. чистенькая каменная деревенька, сверкающая стеклом и металлом. True, two miles from here the noble Aller carried its stormy waters, and beyond it high hills raised gloomy slopes to the sky, pierced, like a sword through the heart, by the Rud Valley. Правда, в двух милях отсюда нес бурные воды благородный Аллер, а за ним высокие холмы вздымали к небу мрачные склоны, пронзенные, словно мечом сквозь сердце, Рудской долиной. But the parish of Woodili itself - where did its charms disappear? Но сам приход Вудили — куда исчезли его чары? From books I learned that the great forest of Melanudrigill, descending from its dark heights, once reached the very outskirts of the village. Из книг я узнал, что великий лес Меланудригилл, спускаясь со своих темных высот, когда-то доходил до самой деревенской окраины. But still it was difficult to reconcile this discovery with my idea of an asphalt highway shining in the sun, telegraph wires singing in the wind, fir trees on the roadsides, exemplary pastures and neat groves. Но все равно было сложно совместить это открытие с моим представлением о блестящем на солнце асфальтовом шоссе, о поющих на ветру телеграфных проводах, елочках на обочинах, образцовых пастбищах и опрятных рощицах.

Then one evening, standing on Buck's Hill, I looked at the countryside with new eyes. И вдруг как-то вечером, стоя на Оленьем холме, я посмотрел на местность иными глазами. The sky above me was a strange leaden hue, and where the sun was setting there was a blue rift in the clouds, which gave the shadows strange shapes. Небо надо мной было необычного свинцового оттенка, и там, где садилось солнце, голубел разрыв облаков, отчего тени приобрели причудливые формы. It occurred to me then that if I were a general who had to fight in these parts, I would do well to put Woodili on the map as a strategically advantageous position. Мне тогда подумалось, что будь я генералом, которому предстоит сражаться в этих местах, мне бы стоило занести Вудили на карту в качестве стратегически выгодной позиции. The parish lay on the border between the Scottish lowlands and the south, a route of land and water - yes, and … can I say that? Приход располагался на границе между шотландскими низменностями и югом, являясь путем земли и воды — да, и… можно ли так выразиться? - and spirit, for this route runs through narrow mountain gorges, dividing crops from wasteland. — и духа, ибо путь этот лежит сквозь узкие горные ущелья, разделяя посевы и пустоши. I looked east, at the slopes spreading out on my left hand and behind me, cultivated by man to the limits of possibility and in ancient times inhabited by the Picts. Я смотрел на восток, на раскинувшиеся по левую руку и позади меня склоны, возделанные человеком до пределов возможного и в старину населенные пиктами. Mine headframes on the horizon, familiar hilltops in The moorlands and the checkered fields had not been able to kill the romance in my heart, and that evening I seemed to see a beast ancient and dangerous, a real wolf in sheep's clothing… To the right rose the mountain range, the mother of all our rivers. Шахтные копры на горизонте, привычные верхушки холмов в вересковых пустошах и клетчатая доска полей так и не смогли убить романтику в моем сердце, и в тот вечер мне почудилось, что я вижу зверя древнего и опасного, настоящего волка в овечьей шкуре… Справа поднималась горная гряда, мать всех наших рек. Time and weather hardly change its appearance, but then, in the ghostly evening light, emphasizing the silhouette but hiding the details, the mountains seemed distant and terrible giants, and not the gentle giants lulling my native valleys… Below me lay Woodili, also strangely changed: Время и погода почти не меняют ее облик, но тогда, в призрачном вечернем свете, подчеркивающем силуэт, но скрывающем детали, горы казались далекими и ужасными гигантами, а не добрыми великанами, баюкающими мои родные долины… Подо мною раскинулся Вудили, тоже странным образом изменившийся: darkness, like the shadow of a solar eclipse, covered it too. мрак, как тень от солнечного затмения, накрыл и его. It was only an illusion, and I knew it perfectly well, but I could not help but accept it, for it was precisely such a sight that my heart longed for. То была лишь иллюзия, и я великолепно понимал это, но не мог не принять, ведь именно такого зрелища жаждало мое сердце.

It was the same parish of Woodilee, but three hundred years ago. Это был тот же приход Вудили, но трехсотлетней давности. And since I had been given a clue, imagination helped to complete the picture of things invisible to the eye … The highways had disappeared, leaving only country roads, boggy in the lowlands and rocky on the slopes, leading to Edinburgh or in the opposite direction, to Carlisle. И раз уж мне была дана подсказка, воображение помогло дорисовать вещи, не доступные глазу… Шоссе исчезли, остались только проселки, топкие в низине и каменистые на склонах, ведущие в Эдинбург или в противоположную от него сторону, в Карлайл. I saw only a handful of houses, but those that were standing were brown as peat, and on the church hill I noticed four gray walls of the kirk and next to them the manse, sunken in thickets of elder and young ash trees. Я видел лишь горстку домов, но те, что стояли, были коричневыми, как торф, а на церковном холме я заметил четыре серых стены кирки и рядом с ними дом пастора, утонувший в зарослях бузины и молодых ясеней. Woodilee was not open to the sun and wind then. Вудили тогда не был открыт солнцу и ветру. It was a cluster of peasant houses and farmsteads, squeezed in by a vast primeval forest that covered the whole area except the tops of the highest hills; Это была кучка крестьянских домишек и усадеб, зажатая обширным дремучим лесом, покрывавшим всю округу,

кроме вершин самых высоких холмов; the forest rolled over the mountain ridges, strangling the valleys in its embrace and flowed down to the very edge of the water, resembling a matted skin thrown over the entire surrounding landscape. лес перекатывался через горные кряжи, душил в своих объятиях долины и стекал к самой границе воды, напоминая свалявшуюся шкуру, наброшенную на весь окрестный пейзаж. My lips whispered the word "Melanudrigill", and I realized that Woodili had not been seen like this for more than three centuries, since the time when it lay in the ghostly shadow of the remains of the ancient Caledonian forest, where in ancient times Merlin played the harp, and Arthur called his people together … Мои губы прошептали слово "Меланудригилл", и я понял, что таким Вудили не видали уже более трех веков, с тех самых пор, когда он лежал в призрачной тени останков древнего Каледонского леса, где в былые времена играл на арфе Мерлин, а Артур созывал своих людей…

Then the whistle of a locomotive sounded, a light came on at the crossing, and the vision dissolved. Тут раздался гудок паровоза, зажегся огонек на переезде, и видение растворилось. As I walked down the hill in the gathering twilight, I thought that back then, in my childhood, the memory of the forest surrounding me on all sides still lived in Woodilee, even if the name Melanudrigill had been forgotten. Спускаясь в сгущающихся сумерках с холма, я подумал, что тогда, в детстве, память об окружающем со всех сторон лесе еще жила в Вудили, пусть даже название Меланудригилл успело позабыться. The voice of old Jock Dodds, who had served as a forester at Calydon for fifty years, rang in my ears. В ушах раздался голос старого Джока Доддса, пять десятков лет прослужившего лесником при Калидоне. Sitting on a large stone behind the forge and smoking a pipe, he often told me fascinating stories. Сидя на большом камне за кузней и покуривая трубку, он частенько рассказывал мне увлекательные истории. He talked about his father and his father's father, a local hero armed with a flintlock rifle. Он говорил о своем отце и об отце отца, местном герое, вооруженном кремнёвым ружьем. "In winter he would lie down in the middle of the peat bogs or in the woods, even if he had become completely decrepit, and start shooting wild swans and gray geese until they Clyde to Aller are flying. "Зимой заляжет посередь торфяников али в леске, хучь ужо совсем дряхлый стал, да давай диких лебедей с серыми гусями постреливать, покуда они с Клайда к Алл еру летят. And how many deer have he killed? А уж скока оленей перебил". I noticed that there were no deer in the area, but he only shook his head and said that in the time of his grandfather the Black Forest was still dense. Я заметил, что в округе олени не водятся, но он лишь покачал головой и сказал, что во времена его деда Черный лес был еще дремуч. “Both Windiways and Riverslaw had a fair amount of them.” "Что у Виндивэйз, что у Риверсло изрядно их было". But when I tried to ask about the Forest in more detail, Jock always evaded the answer. Но когда я пытался расспросить о Лесе поподробнее, Джок всегда уклонялся от ответа. Now I know that our area was associated with the Romans, and with Michael the Scotsman himself. Это теперь мне известно, что местность нашу связывали то с римлянами, то с самим Майклом Шотландцем. “There is a lair of beasts and a haven of sorcerers.” "Там логовище зверья да пристанище колдунов". Its decline began long ago, in the Famine Years, and the last tree burned in the hearth in the time of Jock's father, in the memorable Winter of the Sixteen Day Storm … Закат его начался давным-давно, в Голодные годы, и последнее дерево сгорело в очаге во времена отца Джока, в достопамятную Зиму шестнадцатидневной бури…

I remembered that some places here were considered sacred, and others were avoided. Я вспомнил, что некоторые места здесь считали священными, а иные обходили стороной. In summer and spring, at dusk, no one approached Mary's Cross, a shapeless stone in a field overgrown with bracken, but at midday on Midsummer, the girls decorated it with flowers. Летом и весной в сумерки никто не приближался к Кресту Мэри, бесформенному камню на поле, заросшем папоротником-орляком, но в полдень в Праздник летнего солнцестояния девушки украшали его цветами. It was said that there was no trout in one stretch of the river between the village and the now dried-up Fenian Fen. Поговаривали, что на одном отрезке реки между деревней и теперь уже высушен-

ной Фенианской топью не водилась форель. Moreover, right in the middle of the best turnip field at Riverlaw there bubbled up a spring which we children called Thirsty Katie, and which the old people called the Shepherd's Well, and the old people shook their heads or sighed when they mentioned it, because there the priest of Woodilee had left the mortal earth and gone to Fairyland. Более того, прямо посреди лучшего поля репы в Риверло бил ключ, который мы, дети, называли Жаждущей Кэйти, а старики — Пастырским родником, и старожилы, упоминая его, качали головой или вздыхали, потому что там священник из Вудили покинул бренную землю и ушел в Страну фей.

Chapter 1 Глава 1

Arrival of the Priest Прибытие священника

The Reverend David Sempill entered upon the ministry at Woodilee on the fifteenth day of August, in the year of our Lord one thousand six hundred and forty-four. Преподобный Дэвид Семпилл приступил к служению в Вудили пятнадцатого августа тысяча шестьсот сорок четвертого года от Рождества Христова. He was no stranger to this mountain valley, for as a boy he had come there to visit his grandfather, the miller at Rudfoot. Он не был чужаком в этой горной долине, ибо еще мальчишкой приезжал сюда к своему деду, рудфутскому мельнику. In those years the voice of the church community was put above the wishes of the powerful; В те лета глас церковной общины ставился превыше желаний сильных мира сего; Mr. Sempill, as the saying goes, "was elected by the people," and therefore everyone in the parish looked forward to his entry into office. мистер Семпилл, как говорится, "был избран народом", и потому все в приходе с нетерпением ожидали его вступления в обязанности. The year before, he had received the approval of the Elders of Edinburgh, was ordained at Woodilee on the last Sunday in June of that year, and on the first Sunday in August the Reverend Pastor Mungo Muirhead of Aller parish loudly presented him to the congregation. Годом раньше он получил одобрение Пресвитерского совета Эдинбурга, в последнее воскресение июня сего года был посвящен в духовный сан в Вудили, а в первое воскресение августа досточтимый пастор Мунго Мёрхед из Аллерского прихода зычно представил его общине. Sempill's belongings, mostly books, had arrived from Edinburgh in eight pack horses, and having safely escaped the dangers of Carnvote Fen, were now pitched on the second floor of a damp cottage standing between the kirk and the stream Woodilee. Пожитки Семпилла, по большей части книги, прибыли из Эдинбурга на восьми вьючных лошадях и, благополучно избежав опасностей Карнвотской топи, были теперь разложены на втором этаже сырого домика, стоявшего между киркой и речкой Вудили. A modest widow named Isobel Veitch was entrusted with the care of the house, and when all was ready, David himself rode up on a grey Shetland pony from Newbiggin, where he had been staying temporarily with relatives, and took possession of the new dwelling. Присматривать за домом поручили скромной вдовице по имени Изобел Вейтч, а когда все было готово, сам Дэвид прискакал на сером шотландском пони из Ньюбиггина, где временно обитал у родни, и вступил во владение новым жилищем. When he saw Woodilee, he began to sing; Завидев Вудили, он запел; as he crossed the threshold of the house, he bowed his head and prayed; перешагивая порог дома, склонил голову и помолился; and when at last he was settled in the little room which he called "the study," he saw his precious books on the shelf, passed his hand over the table at which he intended to write great works, and looked through the dim window at the gooseberry bushes in the garden and the silvery waters of the stream, he almost wept with heartfelt gratitude and joy. а когда наконец расположился в комнатенке, которую назвал "кабинетом", увидел на полке свои драгоценные книги, провел рукой по столу, за которым намеревался написать великие труды, и глянул сквозь тусклое окошко на кусты крыжовника в саду и серебристые воды речушки, чуть не зарыдал от сердечной благодарности и радости.

During the first hour he surveyed his property. В течение первого часа он осматривал свои владения. The house was small and squat, the heather-covered roof provided shelter for more than

one swarm of bees. Дом был маленький и приземистый, крытая вереском крыша дала приют не одному пчелиному рою. The facade overlooked the road and was partially hidden behind a narrow strip of greenery, where the river carried white smooth stones. Фасад выходил на дорогу и частично прятался за узкой полоской зелени, куда речка выносила белые гладкие камни. Behind the house there was a garden with a couple of dozen wild apple trees, the small fruits of which were hardly worth picking. Позади дома имелся сад с парой десятков одичавших яблонь, мелкие плоды которых едва ли стоило собирать. There was also a lawn for drying clothes, a bird cherry, some stocks and aconite and a bed with more valuable herbs: Еще была лужайка для просушивания белья, птичья вишня, немного левкоев и аконита да грядка с травами поценнее: sage, mint and oregano. шалфеем, мятой и душицей. In the yard there was a brewery and a barn, or rather a punya, for storing supplies given to the priest as part of his salary; Во дворе стояли пивоварня и амбар, точнее пуня, для хранения запасов, выдаваемых священнику как часть жалования; opposite them there was a stable for two horses, a barn with three stalls, a wattle and daub chicken coop, and in the very corner, near the pickaxe fence, a pile of dung was hidden among the nettles. напротив них разместились конюшня на две лошади, хлев с тремя стойлами, курятник-мазанка, и в самом углу, у забора кирки, таилась среди крапивы навозная куча.

The inside of the house was not very cozy. Внутри дома оказалось не слишком уютно. On this warm August day, a cold blew from the earthen floors. В этот теплый августовский день от земляных полов веяло холодом. Light entered the low entryway only through the open door. Свет попадал в низкие сени только через открытую дверь. To the right was a living room with a wooden ceiling and floor and roughly plastered walls; Направо была гостиная с деревянными потолком и полом и грубо оштукатуренными стенами; a clock cabinet made by the Leith master John Atchison in 1601 had already been installed there. туда уже поставили часовой шкаф, изготовленный литским мастером Джоном Атчисоном в 1601 году. To the left was the kitchen, and from it one could go into the brewery. Слева располагалась кухня, и из нее можно было пройти в пивоварню. Here, at the entrance to a small cellar, like a dog kennel, Isobel put up her bed. Здесь же, у входа в маленький, как собачья конура, подвальчик, Изобел примостила свою кровать. A very steep staircase led to the second floor, directly to the priest's bedroom. На второй этаж, прямо в спальню священника, вела очень крутая лестница. This room was considered the best in the house, since it had a fireplace. Эта комната считалась лучшей в доме, так как в ней был камин. The bedroom was connected by one door with the only guest room, and the second door led into an unheated little room which the pastor had designated as a study, that is, in his opinion, the most wonderful room in the house. Спальня соединялась одной дверью с единственной комнатой для гостей, а вторая дверь вела в неотапливаемую комнатушку, которую пастор определил под кабинет, то есть, по его мнению, самое чудесное помещение в доме.

David wandered about his new abode like a schoolboy returning home, and indeed, with his thick golden hair, fresh face, and slender, straight figure, he resembled a boy. Дэвид бродил по новому обиталищу, как школьник, вернувшийся домой, и, действительно, густыми золотистыми волосами, свежим лицом и стройной, прямой фигурой он напоминал мальчишку. He spilled wort in the brewery and spilled pease meal on himself in the poona. Он пролил сусло в пивоварне и просыпал на себя гороховую муку в пуне. Isobel watched with apprehension as he tasted wild apples from the apple trees in the orchard and tried to scare away a starling that had perched on a tree near the pickaxe by throwing at it the bitten but not liked fruits. Изобел с опаской наблюдала, как он пробует дикушку с яблонь в саду и пытается спугнуть скворца, присевшего на дерево у кирки, швыряя в него надкусанными, но не понравившимися плодами. Then he shouted for her to bring water to wash away the dust of the road. Потом он прокричал, чтобы она принесла воды смыть дорожную пыль. The warm rays of the August sun fell on the small courtyard, soothing sounds floated in the midday air: Теплые лучи августовского солнца падали на маленький дворик, в полуденном воздухе плыли умиротворяющие звуки: the splash of the river waves, the hammering

of the forge, the bleating of sheep, grazing on the slope, and the hum of bees in the stocks. плеск речных волн, стук молота в кузне, блеяние овец, пасущихся на косогоре, и гудение пчел в левкоях. The priest rubbed his cheeks and smiled, and Isobel's wrinkled red face blossomed with an answering smile. Священник тер щеки и улыбался, и на морщинистом красном личике Изобел расцвела ответная улыбка. "Oh, sir," she said, "the Lord has given us life in such a glorious place and a peaceful haven. "Ох, сэр, — сказала она, — даровал нам Господь жизнь в таком славном месте и мирном пристанище. Let us thank Him for this." Возблагодарим же Его за это". And when David announced a fervent amen to the surrounding area, throwing her a towel, a noise on the porch announced the arrival of the first guests. А когда Дэвид огласил округу пылким аминем, бросив ей полотенце, шум на крыльце оповестил о появлении первых гостей.

There were at least three of them, all clergymen from the neighbouring parishes. Их прибыло по меньшей мере трое, все священники из соседних приходов. They rode into Woodiley on their small horses to greet the young man. Они прискакали в Вудили на своих низкорослых лошадках поприветствовать молодого человека. The livestock filled the stable and byre, and the brothers in Christ settled down on a rough bench near the lawn. Живность заполнила конюшню и хлев, а братья во Христе расположились на грубой лавке рядом с лужайкой. They intended to dine at the village inn, so as not to disturb Mr. Sempill: Они намеревались отобедать в деревенской харчевне, дабы не беспокоить мистера Семпилла: they would never have turned up like this, uninvited, if they thought they would be entertained. они бы ни за что не заявились вот так, без приглашения, если бы думали, что их начнут тут потчевать. However, the hospitable Isobel, who thought that entertaining guests on the day of a housewarming was a good thing, managed to persuade them: Тем не менее, радушной Изобел, полагавшей, что прием гостей в день новоселья — добрые хлопоты, удалось уговорить их: "Mr. Sempill will burn with shame if the gentlemen do not break bread with him." "Мистер Семпилл со стыда сгорит, ежели джентльмены хлеб с ним преломить не пожелают". Food in the house she's got plenty, she's just thrown a chicken into the cauldron, and this morning a whole bunch of partridges arrived from Chasehope, oh, she'll roast them… The priests smiled with humility and hope. Снеди в доме полным-полно, она только что куру в котел забросила, а с утра из Чейсхоупа прислали целую связку куропаток, ох уж она их нажарит… Священники улыбнулись со смирением и надеждой. "Your servant is not a treasure, Mr. Sempill. "У вас не служанка, а сокровище, мистер Семпилл. A sensible and decent woman - the house in Woodilee will be a full cup." Женщина рассудительная да приличная — дом в Вудили будет полная чаша".

The Reverend Mungo Muirhead had a round, clean-shaven face, a thick neck, and a massive frame. Преподобный Мунго Мёрхед являлся обладателем круглого, гладко выбритого лица, толстой шеи и массивного тела. He had a wide, thin-lipped mouth, pressed into a line like a lawyer's, a fleshy nose, and large gray eyes, much of the time thoughtful, like a cow's, but sometimes sparkling with insight. У него был широкий тонкогубый рот, сжатый в полоску, как у стряпчего, мясистый нос и большие серые глаза, немалую часть времени задумчивые, как у коровы, но иногда искрящиеся проницательностью. His skin was pale, and he was rapidly losing his hair, so that at first glance this sedate man brought to mind hills with vast, faded slopes. Его кожа отличалась бледностью, он быстро терял волосы, поэтому с первого взгляда на этого степенного мужчину на ум приходили холмы с обширными блеклыми склонами. Being the parson of Aller and the only townsman in this company, he wore a talard and beffchen, not forgetting his hat. Будучи аллерским пастором и единственным горожанином в этой компании, он носил талар и беффхен, не забывая про шляпу. The Reverend Ebenezer Proudfoot, from the moorland village of Bold, was made of different stuff. Его преподобие Эбенезер Праудфут из затерявшейся в вересковой пустоши деревеньки Боулд был слеплен из другого теста. He wore homespun peasant clothes, on his head a blue beret, on his feet rough shoes with leather laces and old itchy woolen trousers. На нем была домотканая крестьянская одежда, на голове синий берет, на ногах грубые башмаки с кожаными

завязками и старые колючие шерстяные штаны. Huge, with a sinewy body and a narrow face, he looked at the world with small blue eyes, in which one could read rough power and fiery spirit. Огромный, с жилистым телом и узким лицом, он смотрел на мир маленькими голубыми глазками, в которых читались грубая мощь и пламенный дух. The third, Mr. James Fordyce from the neighboring parish of Coldshaw, was fragile and thin, pale either from ill health or from intense mental work. Третий, мистер Джеймс Фордайс из соседнего прихода Колдшо, был хрупким и тощим, бледным то ли от нездоровья, то ли от напряженных умственных трудов. Dressed in a faded blue caftan, he wrapped himself in a plaid even in the August sun. Одетый в выцветший синий кафтан, он и под августовским солнцем кутался в плед. His face could have been called handsome if his cheeks were not sunken and his mouth was not twisted, as if from pain or doubt, but his gentle and sad, almost girlish, brown eyes atoned for everything. Его лицо можно было бы назвать красивым, если бы щеки его не запали и рот не кривился, словно от боли или сомнений, но ласковые и печальные, почти девичьи, карие глаза искупали все.

At noon they sat down to table. В полдень они сели за стол. Mr. Muirhead said a long prayer, inspired by the aroma coming from the kitchen, and beginning appropriately: Мистер Мёрхед произнес длинную молитву, вдохновленную ароматом, доносящимся с кухни, и начинавшуюся соответственно: "I will sing to the Lord who has dealt bountifully with me." "Воспою Господу, облагодетельствовавшему меня". Suddenly all the dishes appeared on the bare plank table at once: На голом дощатом столе вдруг появились все блюда разом: a pot of barley soup, a boiled fowl, a couple of partridges on a spit, and a plate of oatcakes. горшок с ячменной похлебкой, вареная курица, пара куропаток на вертеле и тарелка овсяных лепешек. The Edinburgh merchant had supplied his son with kitchen utensils and dishes in an abundance not seen in most parsonages, so that there were knives, forks, and pewter plates enough for every guest. Эдинбургский купец снабдил своего сына кухонной утварью и посудой в изобилии, не виданном в большинстве пасторских домов, поэтому ножей, вилок и оловянных тарелок хватило каждому гостю. Everyone looked in amazement at the display of wealth, and Mr. Proudfoot, as if in rebellion against such luxury, preferred to pick the bones of the poultry hands. Все в удивлении взирали на явленное богатство, а мистер Праудфут, будто восставая против подобной роскоши, предпочел выбирать косточки из птицы руками. The home-brewed beer did not disappoint either, and everyone, with the exception of Mr. Fordyce, did it justice - Isobel often filled the only mug that was passed from hand to hand. Домашнее пиво тоже не подвело, и все, за исключением мистера Фордайса, воздали ему должное — Изобел частенько наполняла единственную кружку, передаваемую из рук в руки.

"This is life, Mr. David," exclaimed Mr. Muirhead, who was in an extremely good humor, "not at all like it was under your predecessor. — Вот это жизнь, мистер Дэвид, — воскликнул мистер Мёрхед, пребывавший в чрезвычайно хорошем настроении, — совсем не такая, как при вашем предшественнике. The worthy Mr. McMichael did not have such a treat, let alone unleavened cakes. У почтенного мистера Макмайкла не то что такого угощения, пресных лепешек не водилось. But you have treated us to a splendid repast. Но вы попотчевали нас на славу.

David tried to find out about his forerunner, of whom he only remembered that in his childhood days the pastor was very old and rode around the parish on a white pony. Дэвид попытался разузнать о своем предтече, о котором помнил лишь, что в дни его детства пастор был очень стар и разъезжал по приходу на белом пони.

"He was a God-fearing and hard-working minister," said Mr. Muirhead, "but as far as I can remember, the weight of his years was always heavy upon him. — То был богобоязненный и трудолюбивый священник, — сказал мистер Мёрхед, — но сколько я его помню, груз прожитых лет всегда сильно давил на него. And he never left the same ordinary until everyone had learned him by heart. А еще он никогда не отходил от одного и того же ординария, покуда все не выучивали его назубок. I have heard that in his sermons he once lingered for a year and a half on the phrase, 'And they came to Elim; Слыхал я, что в своих проповедях он как-то раз на полтора года задер-

жался на фразе "И пришли в Елим; there were twelve springs of water, and threescore and ten date trees; and they encamped there by the waters.' там было двенадцать источников воды и семьдесят финиковых дерев, и расположились там станом при водах". Something tells me he was not strong in reasoning. Что-то мне подсказывает, не был он силен в рассуждениях.

"He was very diligent in his service," said Mr. Proudfoot, "and had no equal in guarding tables. — Он весьма усердствовал в служении, — сказал мистер Праудфут, — и ему не было равных в ограждении столов. Verily, sirs, he was the trumpet of the Lord. Воистину, судари, был он трубным гласом Господним.

"There is no doubt that he was a good man," said Mr. Fordyce, "and he was rewarded in heaven." — Нет сомнений в том, что был он хорошим человеком, — сказал мистер Фордайс, — и на небесах ему воздалось. But he was too old and weak for such a sinful parish. Но был он чересчур стар и слаб для столь грешного прихода. I have fears that he turned out to be a bad shepherd. Есть у меня опасения, что оказался он плохим пастырем. I remember there was talk about sending a committee here to investigate. Помню, велись разговоры о том, не стоит ли прислать сюда комиссию для проверки.

— I disagree! — Не согласен! — cried Mr. Muirhead. — вскричал мистер Мёрхед. — I object in general. — Протестую в целом. The elders of Woodilee have always been renowned for their piety. Старейшины Вудили искони славились своим благочестием. Is not Ephraim Caird here, who took part in the Assembly, and lent his hand to that invaluable work for the glory of God in the East Kirk of St. Giles's two years ago? Разве не живет тут Эфраим Кэрд, принявший участие в Ассамблее и приложивший руку к бесценному труду во славу Божию в Восточной кирке Собора святого Эгидия два года тому назад? Is not Peter Pennecook from here, with his unrivaled gift of prayerful fervor, comparable only to that of Rutherford himself? Разве не отсюда Питер Пеннекук с непревзойденным даром молитвенного рвения, сравнимым лишь с талантом самого Рутерфорда? And, remembering the Bishops' Wars, how steadfastly Amos Ritchie supported the Covenant, not afraid to go out with an ancient musket left to him by his godfather. А ежели вспомнить Епископские войны, с какой стойкостью Амос Ритчи поддерживал Ковенант, не убоявшись выйти со старинным мушкетом, оставшимся ему от крестного отца. There is plenty of true religion in Woodilee. В Вудили истинной веры в достатке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.